

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая статья была написана за два месяца до декабрьских выборов в новую Думу и, собственно, как раз и была приурочена к этому событию. Однако и в настоящее время она может вызвать определенный интерес, хотя бы по той причине, что ее содержание целиком противоречит фальшивым прогнозам ряда "ведущих" аналитиков (вроде некоего Родзиховского). С другой стороны, небезынтересен и сам феномен Жириновского, а точнее феномен политического лидера, каковым на сегодняшний день и является Жириновский.

11.05.96

Немного найдется выдающихся политиков, чьи имена становились бы нарицательными еще при их жизни. Как ни странно, Жириновский относится именно к этой категории. «Вы словно Жириновский», «у вас манеры Жириновского», «вы мне напоминаете Жириновского» — такие выражения теперь не редки. И те, кто их произносит, еще не дают себе отчета в том, насколько серьезное значение они придают человеку, о котором предпочитают всегда говорить несерьезно. В этом-то и заключается некоторая странность феномена Жириновского: он слишком серьезен как реальность, и слишком несерьезен как образ, витающий в воображении его недоброжелателей. Чем объяснить этот странный, на первый взгляд, парадокс? А может, никакого парадокса нет вовсе, а есть слишком ясное явление, непонятное для ослепленных иллюзиями политиков? Постараемся в этом разобраться.

1. Корни парадокса. Начнем с того, что почти все популярные ныне характеристики личности Жириновского откровенно субъективны и навеяны личными пристрастиями его оценщиков. Это видно хотя бы из того, что утвердившиеся мнения об этом политике никоим образом не согласуются с самой реальностью. Остановимся лишь на самых характерных моментах.

Мнение первое: Жириновский — человек несерьезный, «шут», «ненормальный», «сумасшедший» или просто «больной человек» (психически больной, разумеется). Субъективизм таких выводов слишком очевиден. Может ли «несерьезный» политик создать столь серьезную партию, с которой считается даже нынешнее правительство и о которой с полной серьезностью говорят на Западе? Может ли «шут» или «ненормальный» добиться таких успехов на поприще политики, оставив при этом с носом своих откровенных конкурентов? Совершенно ясно, что противники Жириновского в данном случае стремятся выдать желаемое за действительное. Хотя не исключено и то, что действительное здесь не осознается ими достаточно отчетливо. Однако, пытаясь хоть как-то объяснить очевидные успехи ненавистного им политика, они создают второе, «дополнительное» мнение.

Итак, мнение второе: Жириновский — дешевый популист, человек наглый и беспринципный, откровенно водящий за нос своих избирателей и одурачивающий их невыполнимыми обещаниями. Иначе говоря, пропаганда Жириновского якобы не сдерживается никакими моральными нормами, потому и дает столь ощутимый результат.

Перво-наперво зададимся вопросом: является ли пропаганда Жириновского чем-либо противозаконным? Если да, то в таком случае с ним нужно разбираться законным образом, то есть подать на него в суд или использовать против него какие-либо аналогичные санкции. Но если этого не делается, то тем самым признается, что Жириновский занимается пропагандой совершенно законно, совершенно не отступая при этом от принятых общих правил. А в демократическом обществе, как известно, морально все, что не противоречит закону. И в этом случае обвинять Жириновского в аморализме просто нелепо, ибо тогда придется признать аморальной всю российскую демократию, которая допускает подобную пропаганду.

С другой стороны, при желании назвать популистом можно любого политика. Гайдар, Явлинский, Руцкой, Черномырдин — не меньшие популисты, чем Жириновский. Что касается одурачивания народа, то Жириновский в этом отношении далеко не новатор, а потому очень некорректно приписывать этот грех ему одному. Кроме того, настоящая пропаганда есть орудие воздействия на массовое сознание, а не исповедь и не риторика. И этого не стоит забывать. Поэтому все заявления насчет того, что Жириновский пользуется доверчивостью наших граждан, отдают ханжеством, поскольку то, что делает Жириновский, есть именно **пропаганда** в ее чистом виде.

В общем, Жириновскому приписывают все что угодно, кроме ума, таланта, целеустремленности и прочих положительных качеств. Жириновский — «несерьезный», «ненормальный», «беспринципный», «наглый», — но никогда не умный, не талантливый, не целеустремленный и т. д. Если он обставил Гайдара, то, оказывается, не благодаря уму, а исключительно благодаря «наглости». Пропаганда Жириновского, опять-таки, — не есть отражение его таланта, но неизменно отражение его «дурных» качеств.

Предвзятость таких суждений очевидна. Но каковы ее подлинные истоки? Жириновского **ненавидят** совершенно искренне, и точно так же искренне стремятся над ним поиронизировать. С чего бы это?

Объяснение этому, на мой взгляд, следующее. Жириновский как политик — своего рода пришелец. Он — явление «незапланированное», а потому воспринимается как некая досадная случайность, как курьез и недоразумение. Появление Жириновского спутало все карты, нарушило привычные схемы и тем самым изменило весь ход и все правила политической игры. Поэтому для тех, кто склонен воспринимать политику сквозь призму привычных шаблонов и не способен углубить свое понимание сути вещей, Жириновский действительно предстает в образе хама и наглеца, бесцеремонно вторгшегося в святая святых российской политики. Однако такое восприятие, как мы понимаем, вызвано ограниченностью мышления, а не его глубиной. Представьте себе ученого-физика, который открыл «незыблемые» (как ему представляется) законы природы и вдруг совершенно случайно столкнулся с явлением, которое противоречило всем его открытиям. Что в таком случае придется делать нашему ученому? Либо ему придется признать ошибочность и ограниченность своих представлений — но при этом нанес удар собственному тщеславию. Либо, пытаясь сохранить репутацию непогрешимого мудреца, признать упомянутое явление чем-то ничтожным и несущественным.

В политике наблюдается та же картина. Жириновский выходит за рамки устоявшихся схем и стандартов, а стало быть, выходит за рамки рационального осмысления для тех, кто в своем мышлении не выходит за пределы указанных рамок. Для таких политиков Жириновский — явление иррациональное, и отношение к нему с их стороны адекватное. Иначе говоря, реакция на Жириновского соответствует тому впечатлению, которое он производит на интеллектуально ограниченных недоброжелателей. Последним, естественно, ничего другого не остается, как объявить Жириновского выскочкой, который по их прогнозам должен столь же стремительно исчезнуть, как и появился. В противном случае их тщеславию был бы нанесен слишком серьезный удар, на что они вряд ли когда пойдут. Именно в этом корень того парадокса, о котором было сказано в начале.

Тем не менее, несмотря на все это, в действиях Жириновского обнаруживается четкая логика, которую не могут или не хотят понять его противники. По этой причине им весьма трудно смириться с тем фактом, что Жириновский — далеко не «шут», а довольно умный и талантливый политик.

2. Формула «Один и все остальные». Противники Жириновского вряд ли дают себе отчет в том, что популярность их антагониста растет не без усилий с их стороны. Откровенно отчуждая Жириновского от своей респектабельной компании, они лишь подчеркивают его инаковость и тем самым создают для него положение аутсайдера — самое выгодное положение для любого серьезного политика. И Жириновский ловко использует это отчуждение в свою пользу. В этом — одно из главных его преимуществ, и похоже на то, что этим преимуществом он будет пользоваться постоянно.

Часто приходится слышать, что народ выбирает не программу, а личность. Это положение необходимо уточнить. Народ действительно выбирает личность, но не делает выбора между личностью и программой — он выбирает между личностями. И этот выбор всегда падает на того, кто на фоне своих конкурентов выглядит наиболее контрастно. В этом, собственно, и заключается суть формулы «Один и все остальные»: политик перестает восприниматься как личность, если он обнаруживает слишком много сходств со своими конкурентами. Все они так или иначе будут выглядеть как единая безликая масса, на фоне которой только аутсайдер сможет сконцентрировать на себе наибольшее внимание и вырваться на передний план.

Именно это происходит с Жириновским. Благодаря своей оригинальной манере он резко выделяется из «серого», однообразного окружения своих конкурентов, тем самым заявляя о себе как о личности. Правда, не стоит думать, что это под силу каждому

политику. Для реализации формулы «Один и все остальные» необходимо обладать определенными качествами, которые есть у Жириновского и которых не достаёт его противникам. Главное из этих качеств: умение оставаться самим собой при любых обстоятельствах и не идти на поводу обывательских предрассудков, которыми очень часто грешат посредственности от политики.

Жириновский постоянно изображает себя самого, играет, так сказать, роль Жириновского. Он может говорить что угодно и о чем угодно, он может быть спокойным или возбужденным, но он всегда остается Жириновским и только им. Его противники ведут себя совершенно иначе, пытаются соответствовать каким-либо стандартным идеалам. Загоняя свое «я» глубоко внутрь и превращая его в terra incognita, они предстают перед людьми в образе «культурных» и «компетентных» политиков-профессионалов, на деле далеко не соответствуя тому персонажу, роль которого они пытаются столь старательно исполнять. Эта фальшивая игра для них куда губительнее, чем для Жириновского все его скандалы. И этот факт еще раз подтверждает посредственность первых и незаурядность последнего. Ведь только посредственность следует «общепринятым» представлениям, в то время как незаурядность всегда идет против течения, благодаря чему и побеждает. Это один из величайших законов, который, судя по всему, хорошо известен Жириновскому и почти недоступен пониманию его противников.

Остановимся хотя бы на следующих моментах. Как, например, трактовать скандальные выходки Жириновского и его «легендарную» бесцеремонность? Некоторые излишне респектабельные аналитики полагают, что таким образом он только окончательно испортит себе репутацию. Так ли это? Начнем с того, что дурная репутация Жириновского — это «достояние» его противников, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не станут относиться к нему положительно. Что бы он ни делал — для них он всегда будет «плохим». Так что в их глазах Жириновский «окончательно» не опустится. Однако в дурной репутации Жириновского есть свои преимущества: его уже фактически нельзя скомпрометировать, нельзя «оглушить» каким-либо «темным» фактом, ибо он давно уже как бы весь на виду. Тем более что хуже Жириновского, по мнению его противников, быть просто нельзя.

В этом плане респектабельный имидж — не самое лучшее приобретение, особенно если оно не соответствует действительности или соответствует только наполовину. Конкуренты Жириновского — Гайдар, Явлинский, Федоров, Черномырдин и Лебедь — живут (как политики, разумеется) за счет искусственно созданных легенд, утаивая при этом от посторонних глаз огромное количество «нежелательной» информации. Каждый из них, безусловно, тянет за собой солидный груз компромата, который является для них бомбой замедленного действия. Жириновскому достаточно будет пятнадцати минут,

чтобы разрушить все эти легенды или хотя бы поставить их под сомнение. Так например, Явлинский идет у нас как «выдающийся» либеральный экономист, Федоров — как опытный, трезвомыслящий хозяйственник, Лебедь — как доблестный и честный генерал, незаслуженно «обиженный» режимом. Жириновский, опираясь только на одни факты, в течение короткого времени докажет, что Явлинский ничего не смыслит в экономике, что Федоров — бездарный конъюнктурщик, что, наконец, Лебедь — трус и позер. Не нужно будет их оскорблять или навешивать ярлыки — достаточно одних только фактов, которыми Жириновский обязательно воспользуется, прекрасно понимая, что легенды его конкурентов насквозь фальшивы. Однажды ему это удалось, удастся, судя по всему, и теперь. Если, конечно, его не лишат эфирного времени. Кстати, намерение противников Жириновского не допустить его на телевидение еще раз показывает, насколько серьезен в действительности этот «несерьезный» политик.

В свою очередь, чем могут ответить на аргументы Жириновского его конкуренты? Кроме оскорблений — ничем. Но оскорбления — это не аргумент, а заявление о собственной слабости. Кроме того, конкуренты этим ничего нового не скажут, а стало быть, в отличие от своего антагониста, впустую потратят время.

Помимо этого, у Жириновского есть и другое преимущество, а именно откровенность и естественность — то, чего практически лишены его конкуренты, вынужденные сохранять свой респектабельный имидж, придерживаясь при этом «канонов» собственной легенды. Что касается Жириновского, то в этом отношении он не ограничен никакими условностями — он говорит что думает и что хочет, а это всегда подкупает слушателя. Его конкуренты такой свободы не имеют: Явлинский, например, вынужден быть слишком интеллигентным, Федоров — слишком деловым, Лебедь — слишком строгим. Но Жириновский, как было сказано, всегда будет самим собой. Первые не добьются необходимой искренности, Жириновскому же это не угрожает: слушателей могут смущать его манеры, но они вряд ли засомневаются в искренности его слов. Когда, скажем, тот же Явлинский «мягко» и «интеллигентно» критикует правительство, то это выглядит не очень убедительно, — как, впрочем, и нарочито «размашистая» критика Бориса Федорова, и «отборные» метафоры Лебеда. Но когда Жириновский, как бы мимоходом, замечает: «Положу свой ваучер на гроб Чубайсу», — то тут уже сомневаться не приходится: Чубайса он ненавидит совершенно искренне. Искренность же, как известно, есть фундамент доверия.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что Жириновский — подлинно профессиональный политик, и в атмосфере политической борьбы чувствует себя как рыба в воде, прекрасно зная цену и себе, и своим противникам. В том же убеждает и другая сторона его личности, о чем речь пойдет ниже.

3. Жириновский как организатор. Диалектические способности Жириновского гармонично сочетаются с его организаторским талантом. Жириновский создал свою партию практически «из ничего», как бы из небытия прорвавшись в сферу большой политики. И этим он опять-таки разительно отличается от своих противников. Последние, преимущественно, — это лидеры с «командной» биографией, то есть почти все они вышли из готовых структур, фактически избежав мучительной работы на «нулевом цикле». Гайдар — бывший премьер, Явлинский — человек из старой «команды» нынешнего президента, Борис Федоров — бывший министр, Лебедь — генерал армии, приглашенный в **готовую** организацию в качестве «почетного» члена, Руцкой — бывший вице-президент, Стерлигов — генерал КГБ, Черномырдин — здравствующий премьер. Так или иначе, все они — люди, обладавшие властью **еще до того,** как стали лидерами своих организаций. Поэтому неизвестно, что бы у них получилось, начни они свое лидерство с нуля, как Жириновский.

Все это означает, что духовные потенции Жириновского как профессионального политика намного выше, чем у его противников. По всем параметрам Жириновский — это и есть, собственно, профессиональный политик, а не тот, кто просто занялся политикой. Это очень важный момент. Так, Гайдара, Федорова (Бориса), Черномырдина можно квалифицировать просто как чиновников, Лебеда — как армейского генерала, Явлинского — как экономиста или «эксперта», но Жириновского — только как **политика**, а не иначе. Жириновский осуществляет путь от безызвестности к власти, его противники, наоборот, укрепляют свои позиции благодаря известности и положению. У Жириновского нет пути к отступлению, ибо оно означало бы для него не только моральное, но и социальное поражение. Однако каждый из его противников может запросто отойти на «исходные» позиции, практически ничего не теряя. В этом их преимущество как обывателей, и недостаток как политиков. Поэтому Жириновский ясно осознает, чего он добивается, занявшись политикой, а следовательно, для реализации своих замыслов подбирает адекватные средства. По сравнению с ним его противники — просто любители, и не более того. Жириновский занимается политикой по потребности, они — по необходимости. Нужен ли, допустим, Черномырдину, лично, его знаменитый «Дом»? Вряд ли, ибо это вынужденная мера, а сам Черномырдин, наверное, с превеликим удовольствием стряхнул бы с себя груз лишних забот. Нужен ли генералу Лебедю Конгресс Русских общин, **именно** Конгресс Русских общин, а не какая-либо иная организация? В какой-то степени Конгресс ему действительно нужен, но лишь как средство, наиболее согласующееся с его, Лебеда, «героической» легендой. Не будь Конгресса, Лебедь вполне мог бы оказаться в другой организации, которая лучше остальных удовлетворяла бы указанным требованиям.

Однако Жириновский без своей партии — никто. Его партия — это отражение его собственной сущности. Поэтому ЛДПР неизменно ассоциируется с личностью ее основателя, лишившись которого, партия потерпела бы подлинный провал. Как Жириновского нет без партии, так и партии нет без Жириновского. Недаром ее называют «партией одного вождя». Важность этого момента трудно переоценить.

Некоторые усматривают в тотальном вождизме Жириновского большую слабость и даже угрозу для самой партии. Обычно при этом выдвигают такой аргумент: вожди, мол, не вечны. То есть, в случае какого-либо непредвиденного несчастья с самим лидером, партии будет нанесен невосполнимый урон. Однако это чисто обывательское суждение. В действительности же победы всегда одерживали только партии одного вождя. Наиболее впечатляющий пример — большевики. Быть может с идеологической точки зрения тотальный вождизм плох, однако с точки зрения практической это есть одно из преимуществ. Сейчас нет времени вдаваться в подробные рассуждения на эту тему, поскольку она требует отдельного разбора. Лучше всего об этом сказано у одного выдающегося политика прошлого, которого Жириновский, судя по всему, не оставил без внимания.

4. Жириновский и Гитлер. Жириновского иногда называют «фашистом», применяя этот термин, очевидно, только к его идеологии. Однако «фашизм» Жириновского проявился совершенно в иной области, а именно в политической **тактике**.

Судя по всему, Жириновский неплохо знаком с капитальным трудом вождя нацистской партии и кое-что у него заимствовал. Не в плане идеологии, еще раз уточняю, а именно в плане тактики. Надо сказать, что «Моя борьба» Гитлера содержит немало полезных советов для начинающих политиков, и если бы не предвзятое отношение к этому труду, он мог бы стать своего рода настольной книгой для тех, кто решил стать политическим лидером. Жириновский, лишенный всяких «гуманистических» предрассудков, не мог не воспользоваться этими советами. Об этом, во всяком случае, свидетельствуют некоторые наиболее примечательные особенности его политической тактики.

С точки зрения фюрера, любая сильная партия — это исключительно партия одного вождя. Поэтому афишировать лидерство, концентрировать внимание на вожде — не просто нормально, но даже необходимо. Вождь — это некий живой символ, а кроме того — тот, кто несет всю полноту ответственности за исход борьбы. Этим, надо

полагать, и объясняется странная (для многих) манера Жириновского выпячивать собственную фамилию. Некоторые склонны объяснять это непомерной амбициозностью лидера ЛДПР, хотя на самом деле за этим стоит довольно трезвый расчет. У противников Жириновского амбиций не меньше, однако к их амбициям примешиваются еще и предрассудки, которых, как было сказано, Жириновский лишен.

Следующий момент. Фюрер уделял огромное внимание живой речи, полагая, что без нее невозможна эффективная пропаганда. Но разве не то же самое можно сказать о Жириновском, который добивается успехов исключительно благодаря своим «живым» выступлениям? Как ни странно, его противники практически не уделяют этому никакого внимания, полагая, что все решит легенда вождя или его «хорошая» программа.

Живая речь предполагает не просто выступление «вживую», а речь естественную, проникнутую сильным чувством и уверенностью в своей правоте. У Жириновского, как было уже сказано, это получается великолепно, чего опять-таки нельзя сказать о его противниках, склонных использовать ритуальные фразы и отделяться «общепринятыми» положениями.

Далее, фюрер полагал, что консолидация — удел слабых партий. По его выражению, сто слабых движений не создают одного сильного. Сильные всегда выступают самостоятельно, от своего имени. Сегодня те же мысли почти слово в слово повторяет Жириновский.

Как видим, сходств немало. Учтем и еще один, весьма красноречивый, момент. Сегодня многие политики ухватились за русский патриотизм, иногда откровенно заимствуя лозунги и даже некоторые манеры своего заклятого врага в лице лидера ЛДПР. В связи с этим Жириновский неоднократно обвинял их в плагиате. Интересно, что о подобных вещах много писал и Гитлер, заявляя о том, что многие бездарные политики заимствуют лозунги и идеи нацистской партии, пытаясь тем самым «приобщиться» к ее популярности. История, как видим, повторяется, хотя и без былого трагизма.

Тем не менее, несмотря на указанные сходства Жириновского и Гитлера, нельзя однозначно говорить о духовном родстве того и другого. Как идеолог Жириновский — чуть ли не полная противоположность Гитлеру: заимствуя форму последнего, он, однако же, наполняет ее совершенно другим содержанием, и наверное — не самым лучшим.

5. Жириновский как идеолог. Жириновского называют не только «ненормальным», не только «фашистом», но еще — «самым русским человеком». Однако последнее определение столь же неверно, как и первые два. По своему менталитету Жириновский — далеко не русский (в традиционном смысле) человек. Еще менее русским является он по своим духовным установкам. Впрочем, его можно было бы назвать «новым русским», однако данная категория людей вряд ли может претендовать на русскость, которая является для них лишь номинальным признаком.

Жириновский — это типичный американец. Здесь не нужно читать Лимонова, чтобы убедиться в этом. Жириновский — янки, лишенный предрассудков и издевающийся над туповатыми кадрами «старой доброй» России. Точнее было бы назвать его правым на американский манер. И вот почему.

Жириновский говорит о национальных интересах России, и вроде бы в этом случае он выступает именно как русский патриот. Однако дело в том, что «национальные интересы» он понимает исключительно по-американски. Ведь то, что Жириновский предлагает для России, вполне бы подошло и Америке. Наоборот, программа какого-нибудь западника вроде Гайдара в западном обществе была бы воспринята как плод больного воображения. Короче говоря, Жириновский обладает чисто западным, американским менталитетом, который он намеревается «опробовать» на российской почве. Этим, наверное, и обусловлено название его партии — «либерально-демократическая», — которое свидетельствует само за себя.

Как известно, все внимание Жириновский сосредотачивает исключительно на материальных проблемах. Духовность для него — не более, чем декорация. Идеал сытой обывательской жизни, который является краеугольным камнем его программы, — есть в первую очередь американский идеал. Безопасные морские границы, о которых мечтает Жириновский, еще раз подтверждают его проамериканскую настроенность.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что он сделал ставку на молодых российских предпринимателей, «новых русских», или, по его собственному выражению, — «молодых волков». Однако «молодой волк» — это символ так называемого типичного американца, стремящегося к материальному успеху и не озабоченного проблемами духовности.

Впрочем, обращение к этому идеалу сулит Жириновскому хорошие политические дивиденды. Но здесь же коренятся и побеги будущих поражений. Это следует разъяснить.

Дело в том, что психология «молодого волка» насквозь рационалистична. «Молодой волк» идет путем наименьшего сопротивления и большей эффективности — он выбирает то, что полезно, и не склонен при этом к сентиментальности, которая часто сковывает инициативу «обычных» русских патриотов. «Молодой волк» не знает невинного умиления и избегает праздной мечтательности, — он доверяет только рассудку и в этом — залог его победы. Однако на этом его преимущества кончаются, поскольку в остальном «молодой волк» типичный обыватель. А это значит, что он может действовать только в условиях хорошей предсказуемости и стабильности. Борьбаться с политическим хаосом или поднимать из руин развалившуюся империю такие люди не в состоянии. Для этого нужны борцы за идею, а «молодые волки» слишком прозаичны для таких задач.

Однако идея у Жириновского как раз и отсутствует, а для России идея актуальна во все времена, особенно в такие, как теперь. Таким образом, делая ставку на рассудочных, но прозаичных практиков, Жириновский тем самым практически отталкивает от себя идеалистичных и одухотворенных энтузиастов, способных действовать ради идеи в самых экстремальных условиях. В этом его отличие и от большевиков, и от нацистов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Жириновский предпочитает законные, парламентские методы борьбы и всячески избегает нелегальных методов, равно как и откровенной конфронтации с властью. Так что разговоры о диктатуре Жириновского имеют под собой слишком мало оснований. Не в смысле, что Жириновский никогда не добьется власти (это вполне может произойти), а в том, что власть Жириновского не будет обладать достаточной жесткостью, чтобы ее можно было однозначно назвать диктатурой.

У Жириновского никогда не будет такого количества фанатиков — как у Ленина или Гитлера, — способных во имя вождя пожертвовать своими и чужими жизнями. В этом случае Жириновский попытается действовать через «законные» государственные структуры, скажем, через тех же бывших офицеров КГБ. Однако воскресший труп вряд ли заменит живого. Это имеет прямое отношение и к развалившимся государственным структурам, которые смогут обрести новую жизнь не благодаря собиранию «старых» кадров (сдавшихся без боя), а только благодаря притоку новых людей из числа энтузиастов. В общем, как это ни парадоксально звучит, Жириновский имеет шанс

О ЖИРИНОВСКОМ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Автор: В.И. Нечаев
10.07.2011 11:26

выиграть, но не имеет шанса победить.

Однако на сегодняшний день у Жириновского нет достойных соперников. В первую очередь я имею в виду соперника из «чисто» русско-патриотического лагеря. Лебедь, Руцкой или Стерлигов, как мы понимаем, не в счет. Пока Жириновский — единственный настоящий лидер и профессиональный политик в настоящем значении этого слова. И надо признать, что его слишком рано хоронят.

Новосибирск, октябрь 1995.